

Bandy Sholtes

T-Shirtология: общая теория футболки

— *Печать на футболках? Это тема.*

Иоганн Гутенберг

— *Вас какой размер интересует?*

— *S и, может быть, M.*

— *Вот, пожалуйста, есть разных цветов...*

— *Ага...*

— *Такие, и ещё вот такие...*

— *А с буквами у вас есть?*

из диалога в магазине

Футболка надевается через голову.

Google

Все дурацкие футболки похожи между собой, а все хорошие — хороши по-своему. Всё смешалось в моей голове.

Проснувшись утром после беспокойного сна, я обнаружил, что лежу на кровати в позе какого-то страшного насекомого. Лёжа на спине, я видел свою заношенную майку-ночнушку, потный живот и готовое вот-вот окончательно сползти одеяло.

Снился мне худой старый рыбак в выцветшей майке. Будто уже восемьдесят четыре дня он не может поймать в Гольфстриме ни одной рыбы. Ещё снались лодка и старый парус. И что первые сорок дней в море с рыбаком ходил мальчик. Сорок дней во сне — это долго. А восемьдесят четыре очень долго.

Я живу на вилле Боргезе. Кругом — ни соринки, все стулья на местах, футболки

выглажены и сложены в шкаф. Мы здесь одни, и мы — мертвецы.

Они там. Чёрные в белых майках, встали раньше меня, справят половую нужду в коридоре и подотрут, пока я их не накрыл.

И я подумал: ну разве можно серьёзно относиться к футболке без картинок и букв?

У меня есть магазин футболок. Точнее был, раньше. Назывался «T-Shirtология».

Я придумывал футболки, я наносил на них слова и картинки, я же и продавал.

А затем всё накрылось медным метастазом.

Август. Идёт девушка в майке. С большими природными данными. Больше среднего.

На майке девушки написано: NATURE. Буквы тоже больше среднего.

Смотрю вслед. Что она имела в виду? Что имела в виду её майка? Думаю, мы этого никогда не узнаем. Загадка природы.

Ведь если ты культурно пиаришь матушку-nature, а окружающие этого не понимают потому что за могучим бюстом не видят твоей большой души это их проблемы.

В общем, чуваки, у нас проблемы.

У всех чуваков одни и те же проблемы.

Двадцать метров и снова девушка. Их немало и они в майках.

Жарко же.

Эта девушка какая-то хилая, будто авитаминозная. Почти больная.

Солнце светит и растёт трава. Но тебе она не нужна.

Высокая плотность населения снова сиськи, снова буквы. Но уже поменьше, чем у предыдущей.

На ней майка «Total Beautiful Girl». Очередная загадка природы.

Но вот интересно: здоровая грудь нуждается в таком же количестве витаминов, как маленькая? Или ей нужно больше всех этих А, В, С, D и фолиевой кислоты? Думаю, в богатой заморской стране учёные уже монографии пишут и порочные эксперименты на крысах проводят. О взаимосвязи витаминов и размера лифчика в условиях высокой плотности населения.

Нет, по одному лишь трикотажу делать выводы аморально. Прошу прощения у девушек с тяжёлым бюстом. Неблагородно встречать по майке, а провожать по сиськам.

Ведь как гласит небезызвестная в определённых кругах футболка — Big Tits Is Not A Crime.

Тупая мужская романтическая ночнушка. Мимими.

Утром встал, умылся, позавтракал и ушёл на работу. А ночнушка твоя осталась на подушке, рядом с ней. Проснётся и прочтёт. Улыбнётся и зевнёт.

Потому что она, сука, фрилансер и спит до пол-одиннадцатого.

Кому сосуд, кому горшок, а кому ночная ваза.

Слово «майка» мне симпатичнее, чем «футболка». Слишком уж второе спортом отдаёт. Травмы, букмекеры, хулиганы. Реклама спонсоров на груди. И почему именно футбол? А где регби, хоккей на траве и конкурс воздушных гитар?

Потому часто пользуюсь словом «майка». Не то чтобы терпеть не могу футбол и рекламу. Но на то оно и предисловие, чтобы предупредить.

Знаете, что такое Плохой Моторный Палец? Нет, не имя индейца. Щас расскажу, короче.

Девяностые годы. Мне двадцать лет. Волосы не стригу, звёздным небом не интересуюсь, моральный закон не писан. Люблю grunge, вино, нескромных женщин и лёгкие игрушки. Те, что по пять баксов пакован, цены тогда такие были.

А что ещё любить в двадцать лет? Ну да, книги там, сигареты, болтовню по телефону, отбивные с жареной картошкой, само собой.

Но будни — не игрушки.

Сентябрьским утром я еду в ужасный ненавистный тупой холодный скучный дубовый университет, где есть всё, чего не люблю. Одна радость — болтовня на переменах. О колбасной музыке, пьяных приключениях, кайфовых книгах. А о чём ещё говорят в двадцать лет?

О сексе говорили мало. До сих пор не врубаюсь, почему. А отбивные были вообще табу.

Я еду в полном автобусе. Ни сесть, ни почитать.

Невыспавшийся и злой, без мыслей и без пощады. Сорок минут. На конечной из этого же «Икаруса» выходит девушка. Иду за ней — под расстёгнутой курткой я, кажется, заметил кое-что. Дого-

няю, заглядываю — так и есть

Девушка уловила мой взгляд и отвернулась. Мне насрать.

На этот раз я не о сиськах. А о майке Badmotorfinger. С большой буквы в одно слово, почти как юрийгагарин. Бэдмоторфингер — это альбом группы Soundgarden, из Сиэтла. Я уже полгода люблю его, по

три раза в неделю. Даже клип видел, Jesus Christ Pose. Классная вещь. Чёрно-белый, правда, клип — вечно тогда неразбериха была с этими пал-секамами.

А майку с обложкой Badmotorfinger вижу впервые. У нас таких не продают. Вообще фиг знает, где их продают.

И тут нá тебе, в обычный беспощадный вторник футболка моей мечты, натянутая на женское студенческое тело, шагает в скучный дубовый университет.

Запоминаю лицо и иду на лекцию. Внешность у неё запоминающаяся. Большие непонятной расцветки глаза расставлены криво — будто два кусочка несвежего брокколи уронили в сметану. Нос от бровей начинается орлино, а приближаясь ко рту, расплющивается на верхней губе — как кончик носа Lois Armstrong-а. Губы похожи на две растоптанные мармеладные конфеты без обёрток. Волосы — сухая трава, покрашенная слипшейся кисточкой в чёрный цвет. Несмотря на проблемы с матушкой-nature, сиськи у неё есть, прости меня, Jesus Christ.

Давно, кстати, подметил закономерность: природа — строгая, но справедливая бухгалтерша. Красивым сисек выделяет скупно, а страшным — щедро. Чтоб у немилосердных мужчин был выбор.

Исключений, конечно, много, но статистика всё же приблизительно не врёт.

Ну, её сиськи не то чтоб меня сильно заинтересовали — я их заметил просто потому, что иначе не может быть никогда. И потому, что майку хорошенько рассмотрел. Да и практически ничего в её случае молочные железы не решали. И никакой гипервитаминоз бы ей не помог. Так как бетонои трубоподобная фигура, кожа лица и штаны бедной девушки сочетались в таком арт-комплексе, что её фото могло бы стать обложкой альбома. Первого альбома группы Unhappy Artists под названием «Kiss Me, Son of a Bitch». Хотя во всём перечисленном её вины нет. Ну, кроме штанов.

Дня через три я снова её увидел — в той же майке. И понял, что про себя называю её то *Vadmotorfinger*, то Плохой Моторный Палец. Учитывая её внешность и некоторую связь между понятиями «пенис» и «средний палец», стало ясно, отчего у пальца, то бишь пениса, плохая моторика в присутствии девушки.

Через неделю я решил подойти к ней. Сделал вид, типа хочу познакомиться. Она даже улыбнулась мне. Молодец, духом не падает.

Улыбка — будто плакат Фредди Крюгера надорвался в районе рта. Не важно.

Короче, я пококетничал, как умел и спросил, откуда майка.

— Привезли.

— Откуда?

— Не твоё дело.

— Тебе тоже нравится Soundgarden?

— Конечно.

Мне повезло — оказалось, она малословная, как Чарльз Бронсон. Возможно, чтоб не светить зубами лишний раз. Мне посчастливилось увидеть лишь три. Не знаю, может, зубы были и настоящие. Но выглядели, как три красивых камушка, которые она нашла на берегу реки. И довольно ловко прикрепила их розовой жвачкой к десне. Handmade типа. На память о летних каникулах. Не важно.

— Продашь майку?

— Нет.

— Продай, сколько хочешь?

— Не продаю, мне она самой нравится.

Короче, я её уламывал раз пять. Подходил в универе, улыбался, спрашивал как дела и всё такое. Ни в какую.

Зато она стала здороваться при встрече. Друзья улыбались и спрашивали кто это. Я краснел и оправдывался. Будто меня застали за прослушиванием Bad Boys Blue.

В конце месяца, получив стипендию, я подошёл к ней и решил надавить на жадность. Блеснуть наличностью и усыпить бдительность.

Никакого результата.

Затем, подсчитав сколько морального ущерба нанесло мне общение с Плохим Моторным Пальцем, я понял, что майка уже моя. Без денег. И я забил на неё. Перестал здороваться. Двадцатилетние мальчики иногда беспощадны к девушкам. Особенно если внешность их не способствует спасению мира красотой и вожделием, прости меня, Jesus Christ.

Так я и закончил университет без той майки. И Soundgarden уже не помню когда слушал последний раз. А девушку иногда вижу в городе. Она растолстела. Как ни странно, это смягчило острые углы её наружности. Оно и понятно — с годами обложки группы Unhappy Artists стали менее экстремальными и пугающими. Взрослеют и мудреют — как все группы. А я вижу, как она, уже давно

без той майки, но в таких же штанах, сидит-курит где-то на лавочке, всегда одна, и думаю о том, отчего природа-бухгалтерша бывает к некоторым даже более жестокой, чем беспощадные двадцатилетние раздолбаи.

И ещё думаю, что Плохой Моторный Палец, скорее всего, знала — продай она майку, больше не подойду. Майка как поддерживающее нашу связь слабое звено.

Вот тебе и хеппи энд — оказалось, я романтик. А встроенного в организм романтика никакими колбасными музонами и несчастными артистами не вытравишь. Заводские установки — вещь упрямая.

Люди, которые приходят выбивать долги, живут на специальной планете. Оттуда их вызывают на нашу, человеческую гуманную планету, где они выполняют свою угрожающе-финансовую миссию, а затем на чёрном космолёте возвращаются обратно.

Стук. Открываю дверь. Стоят двое одинаковых некрасивых инопланетянина в спортивках.

— Мы от Олега.

— Какого Олега?

— Не включай дурака. Три тысячи это тебе не трёхколёсный велосипед. Давай деньги.

— Какой трёхколёсный велосипед?

— Пойми, дорогой, — сегодня мы согласны взять три тысячи, а завтра возьмём уже больше.

Бля, откуда они знают, что мы на прошлой неделе ходили выбирать детский велосипед?

Я пересрал. В башке замигал калькулятор. Арифметика банкрота. Значит так. Можно продать золотую цепочку с крестиком, и так без дела в шкафу лежит. Есть чешские джазовые пластинки меж-

военного периода. Коллекция советских ёлочных украшений пятидесятих годов, с раритетной хрущёвской кукурузой включительно.

Ну, а если совсем припрёт, в качестве козырей — антикварные книги. Массонская «Разсужденіе объ истлѣнїи и сожженїи всѣхъ вещей бла-бла-бла», Москва, 1816 год. И «Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ бла-бла-бла», сочинение архиепископа Камбрийского, Москва, 1788 год.

Мне их пьяный Игорёк подарил, барабанщик и немец из Сыктывкара.

Но даже банкроту понятно, что антикварными козырями в начале игры не разбрасываются.

— У меня есть пароварка, почти новая. Тефаль. Могу отдать.

Футболка для тинейджеров. Надел, крикнул «пока» и хлопнул дверью.

Боже, если б у меня такая была в восемнадцать лет...

Ничего бы, конечно, не изменилось. Но приятно. Звонишь маме и, максимально концентрируясь, чтоб не заржать, непослушным языком вешаешь ей подростковую лапшу. Типа остаёшься ночевать у друга. Типа страшно домой идти. Типа денег на такси нет. Романтикам и лузерам шляться по ночам вредно. Ночь — строгая

и несправедливая бухгалтерша, пиздюлей может выписать тока так, без предоплаты и калькуляций.

А для возвращения домой такую: Мама, Гм Beck. Приходишь и напеваешь:

— Гм a loser baby, so why don't you kill me.¹
Хотя мама, конечно же, совсем не baby.

¹ Припев песни “Loser”. Автор — музыкант Beck Hansen.

Оказалось, майки amp; футболки — что-то типа трикотажной линии мышления. Не успел задуматься, и они сами в голову лезут. Без примерки.

Что бы там ни говорили, но майка с «вывеской» — не просто одежда. Это афоризм, это месседж, это лозунг, это пароль, это провокация, это история, это игра слов, это извращённая цитата, это хаха, это хихи.

Слова на груди человека — хочет он того или нет — сообщают о нём некоторую инфу. Что хаваает, чем дышит. Пусть на одежке ни буквы, ни линии — это тоже позиция, тоже штрих-код, тоже некоторый запах изо рта.

Например, футболка Шрёдингера. На ней одновременно и есть «картинка», и нету.

Или, скажем, загадочный крокодил на груди — это что? Бренд, аллигатор, журнал, рассказ Достоевского, крокодил Данди, игра в ассоциации или не имеет значения?

Стоит представить эти майки на телах друзей, прохожих или на нас самих, и станет очевидным, что от теории до груди человека — рукой подать.

Никакой, конечно же, T-Shirt-истины нет. Даже в обычную майку с обычным AC&DC (да, да, именно AC&DC, это не опечатка) носители вкладывают свой смысл. Мальчик заявляет миру, что уже немаленький. Разведённый холостяк намекает, что он весь-из-себя-молодёжный и вполне ещё огого. Бывший рокер пытается убедить прохожих, что он не просто пьяница, а меломан. Бабник пришёл типа-на-концерт, но в душе тешит

себя надеждой подцепить вооон ту явно нетрезвую девку в майке Korn. А кто-то просто не нашёл в своём шкафу ничего другого.

Буквы на людях мельтешат повсюду, и не только в августе. Но, хотя и кажется, будто мы свободны в своём выборе, на самом деле трикотажное общество устроено так, что мы далеко не всегда носим то, что хотим. Message одежды часто навязан извне.

Но афоризмы, лозунги, провокации и даже хаха и хихи, изображённые на футболках, постоянно меняются. Это двадцать первый век, baby.

Второй инопланетянин, который молчал, вытащил из кармана секатор.

Я пересрал ещё раз.

Ладно, достал бы нож. Нож, конечно, тоже не киндер-яйцо, но секатор... Садовник бля выискался.

— Это интернет? — указал он на кабель, ведущий из коридора в комнату.

— Какой интернет?...

— Такой. И он перерезал кабель. В двух местах.

— Эй, вы что?... Подождите!..

Получившийся кусок кабеля и секатор он сунул в карман. А меня схватил за свитер и сделал туда-назад-обратно. Затем словил мой взгляд и снова туда-назад-обратно. И снова.

Почти не больно, но страшно. Чувствуешь, что он умеет не только так.

— А ещё у меня это, — сказал я, — старинный гобелен есть. Передайте Чернову, что...

Не дослушав, они хлопнули дверью.

Эй, а попрощаться? Меня что, не уважают в собственном доме?

Если файл находится в голове, то кликом мышки по файлу может стать что угодно. Пыль на книжной полке. Опечатка на мониторе. Лак на женских ногтях.

Замысел рождается крошечным и безмянным. Не успев повзрослеть, уходит в полушария мозга. Тусует по извилинам, как в ночном клубе. Подчиняясь не только твоей воле, но

и правилам внутричерепного движения. Там ведь и своё кино есть. Независимый кинематограф типа.

Голый замысел тусит, где хочет и берёт всё, что плохо лежит. Лишних внутричерепных тараканов, например, или там клип Bad Boys Blue. Как вор, который забрался в хату за деньгами и серебром, а по жадности берёт шпротные консервы, хрустальные бокалы и охапку галстуков.

Чтоб замысел не превратился в чудовище и не натворил чего по молодости, надолго отпускать его нельзя. Если норовит смыться, его надо ловить. Слизать языком, заколоть маркером или стукнуть клавиатурой по башке. Пока не спрятался за плинтусом.

Проследить замысловатый маршрут файла трудно. Но — допустим. Ведь склонность незрелых файлов к посещению чужих папок и квартир подтверждается алкогольными и любыми иными химическими наблюдениями.

Нетрезвый, выросший до неприличных размеров файл часто выныривает из внутричерепного клуба с таким букетом галстуков, который мы не заказывали и о котором вначале даже не подозревали. Не подозревали о возможности *такого* букета.

Сидели мы как-то с Юрой В. Курнули там, вина попили. Рассказал я ему о свойствах замыслов и шпротных консервах, и он сказал:

— Ты знаешь, я и сам такое не раз замечал. Идеи в воздухе носятся.

— И не говори. Делать им нечего.

В общем, мы с Юрой решили, что от пустоты до замысла — один клик.

Клик — иди туда не знаю куда.

А я тем временем бутерброды забацаю. Жую и жду.

И вот выруливает файл, наконец-то. Весь в пыли, напевая дурацкие песни. Главное, что вернулся.

Ну-ка, посмотрим, что нам внутричерепной вор принёс. О, парочка журналов «Иностранная литература» 1990 года.

Так кажется на первый взгляд. Но под «иностранкой» лежит кассета группы Nine Inch Nails, которую я выбросил ещё в прошлом веке.

И ещё на воре почему-то пиджак дедушки довоенного фасона.

А в кармане — венгерский игрушечный вигвам, подарок тёти Розы.

А за пазухой — книга о городе Самарканд с бледными иллюстрациями.

И вдобавок нащупываю под пиджаком нежно пахнущую майку моей двоюродной сестры, в которой она выглядела очень sexu в конце восьмидесятых. Ярко вспоминается её кожа, линия тела и особенно ноги. Ноги, которые я долго считал самыми прекрасными в мире. Любимые ноги моей юности. И однажды, когда мне было пятнадцать, а ей шестнадцать...

Стоп. Только этого блин ещё не хватало.

Несколько провокативная майка. Лицам с заболеваниями центральной нервной системы носить не рекомендуется. А в тюрьме надевать такую не советовал бы даже Чаку Норрису.

Юра В. рассказывал, что видел в армии настоящую, сделанную на руке живого человека, татуировку: «Умру за горячую еблю».

Кое-кто считает, что в будние дни жизнь течёт и пульсирует в барах. Не дома, не в офисе

и не в поликлинике, а в барах. В некотором смысле это правда.

Ну и пошёл я во вторник в бар. Пульс жизни щупать. Барология — наука экспериментальная.

Место не из тех, куда обычно хожу. В своих барах я уже все биоритмы знаю, мне интересно чужие кардиограммы почитать.

Пошёл туда, где пиво недешёвое и музон типа модный. Где у завсегдатаев телефоны дороже, чем весь мой гардероб со шкарами. Ну да, кедам моим шесть лет уже.

Столики тут стерильные, как в манипуляционной. Сижу, боюсь запачкать.

Пиво распробовал — вкусное. Но пульс не нащупывается. Не нащупывается, думаю, воон из-за тех двух немолодых, подусталых и фактически некрасивых баб, что напротив. Может они и носили когда-то футболки Korn, но сейчас одеты во что-то жутко стильное, не разбираюсь.

Это они, тотально не бьютифул гёрлз, мешают установить диагноз. Хотя фолиевой кислоты им не занимать. Впрочем, под мейкапом не видно...

«Послушайте, — думаю, — если в мире существуют бары, где женщины подусталые и музон тупой — значит это кому-нибудь нужно?»

Не знаю, кому — в бизнесе не разбираюсь, — но о политике давайте не будем.

Плохой тут какой-то пульс, короче. Может, дефицит гемоглобина? Или сердцам завсегда тае в физических нагрузках не хватает? Фиг поймёшь.

Ну, с музоном вообще-то проблем нет — наушники-то на голове. Dead Ghosts, кажись, тогда слушал. Да и расфуфыренных красоток за другими столиками хватает, если что. Умру за горячую еблю. Шучу, не умру, я чисто пощупать пришёл.

«Значит, — думаю, — с баром всё ок. И значит, какая, икс, разница, дорогой бар или дешёвый? Если музыка всё равно своя. И если во всех барах своё кино крутят. И если за тяжёлым мейкапом и так ничего не видно».

Пива я напился, но пульс так и не нашупал. Не бывать мне фельдшером, и белого халата не видать.

Зато я кое-чему научился. Я понял, что бары — это то же самое, что бабы, только бары.

Вы заметили, что профессоров, доцентов и вообще старых ботанов не видно в городе? Их нет ни на набережных, ни в барах, ни в супермаркетах. Где они? Читают, прячутся, монографии строчат? Неужели они бывают только дома, в университете, в автомобиле и в отпуске? Похоже на то.

Я лишь один раз — случайно — встречал своего преподавателя в городе. Он был стар и пьян. Его нёс другой преподаватель — уже немолодой тряпка, лузер, холостяк, сопля, подхалим, трус и тайный карьерист.

Они, лингвисты, учили меня оба. И оба мерзкие и нечеловечные. Но один — умище, а второй совсем не умище. Видели бы вы того второго. Тихий, аккуратный, серый, невыразительный, щуплый. Ужасная кофточка и выглядывающий под шеей советский галстук. Пальцы — белые волосатые книжные черви. Канцелярский крыс и недопидор.

Он бухал со стариком и затем носил того, чтоб лизать жопу. Дурак. Умище ж на другой день и так не помнил, кто и как лизал ему зад. Очевидно, тряпке, лузеру, подхалиму и трусу не приходили в голову никакие другие способы вылизывания полушарий лингвиста.

Они брели, шатаясь, по осеннему парку и шуршали листвой. Я курил на лавочке. Мне насрать

— экзамены я у них уже давно подавал. Хоть и не с первого раза. И тот, что не умище, заметил меня. Пока я думал, обязательно ли здороваться, он отвернулся и сказал что-то старику. Тот никак не отреагировал, но через пять шагов остановился.

Старик был низким, но очень грузным. И он начал падать на щуплого. Уронить шефа и дать ему хороший шанс на инсульт — это, конечно, почти бинго. А если инсульт не получится?

Щуплый посмотрел на меня и сказал что-то. Я не расслышал, но было ясно, что он имеет в виду. Я улыбнулся — ситуация напомнила песню Beatles.

Help! I need somebody, Help! Not just anybody,
Help! You know I need someone, Heeeeelp!..

Щас я тебе help, тайная щуплая сопля.

Я подошёл и взял под руку профессора. Он был красным, будто потел кровью.

Шучу, нормальный он был, просто разнесло малёхо. Даже плащ чистый и шкары без мочевины. Гладко выбритый. Вот не понимаю я пьяниц, которые всегда гладко выбриты. Какое-то извращение. Чтоб, мол, никто не догадался, что они пьяницы. А по мне так аккуратно бритые бухари ещё больше бросаются в глаза, чем бородатые.

— Давайте его усадим, — говорю.

— Нет, нет, надо отнести его домой.
Владимира Ивановича ждут дома.

— А где он живёт?

— Тут недалеко.

— А давайте его уроним для инсульта. И тогда вы станете завкафедрой, вместо него. А он в коме будет уютненько себе лежать, как в мавзолее.

Шучу, не говорил я этого. Я сказал «хорошо» и мы зашагали. Шуршали листвой, сопели и шагали.

«Help!», — думал я. Пел точнее. Внутри пел.

Квартира Владимира Ивановича была и правда недалеко, но шли мы туда долго — через каждые десять метров он хотел развернуться и мы, потея, боролись с ним за нужное нам направление. Хорошо, хоть этаж второй.

Тинейджерский способ сдачи пьяных друзей родителям — установить тело перед дверью, позвонить и убежать — в данном случае не подходил. Тайный карьерист ни за что бы не согласился.

Нам открыла высокая халатная тётя с тремя бородавками — на носу, лбу и подбородке. Ясно, почему Владимир Иванович не хотел идти домой.

При передаче тела мне пришлось сдержаться, чтоб не пошутить «распишитесь в получении». Уложили профессора на диван. Я думал, мы занесём его и разойдёмся — мавры вспотели, мавры могут идти. Но ужасная кофточка взялся на лежащем профессоре растёгивать плащ и

расшнуровывать ботинки. А мы с тётёй стояли и смотрели. Хорошо хоть в ширинку ему не полез.

Боже, help! Я чувствовал себя суперидиотски.

Когда шкары Владимира Ивановича упали на пол, тётя неожиданно спокойным голосом спросила:

— Ну что, по 50?

— Конечно, спасибо, с удовольствием. А Beatles у вас дома есть? Шучу, не говорил я этого. В ту минуту, имею в виду, не говорил.

Я спросил о Beatles через часик, когда бутылка водки уже закончилась. Спросил, потому что песня «Help!» стала разъедать мне мозг и я должен был удовлетворить его требования.

— Битлз? — переспросил щуплый осмелевший трус. — Битлз — дурачки.

Нормальный ход. Я заинтересованно ждал, какую альтернативу Beatles предложит осмелевшая сопля, но он молчал. Бородавчатая тётя тоже молчала.

— А кто не дурачки?

Не шучу, я реально задал этот вопрос. Стало очень интересно, что же такого слушают тайные карьеристы. Неужели тропикалию или psychobilly?

— Фердинанд де Соссюр¹, к примеру, не дурак. Нет, он не шутил. Не тот случай.

Так я и думал. Ну, не то чтоб осознанно думал, но был уверен, что файллик, запущенный в полушария мозга щуплого учёного труса, «привезёт» что-то именно такое.

— Видно, не судилось мне сегодня избавиться от этой песни.

— Какой песни? — спросила тётя.

— Песни про Фердинанда де Соссюра. Я обулся и ушёл.

Боже мой, что творится в голове лингвиста, мечтающего об insulte Владимира Ивановича. Непр, они там сумасшедшие все. Фердинанд де Соссюр, бля. Старые сумасшедшие ботаны.

1 Фердинанд де Соссюр (1857–1913) — швейцарский лингвист, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, стоявший у истоков Женевской лингвистической школы. Идеи Фердинанда де Соссюра, которого часто называют «отцом» лингвистики XX века, оказали существенное влияние на гуманитарную мысль XX века в целом, вдохновив рождение структурализма.

Летняя майка. Прячась в тени от солнца, приятно будет вспоминать, что сейчас май, июнь, июль или август. Или даже сентябрь. А то летом все забывают о зиме. И ведут себя не совсем вежливо по отношению к погоде. Так, будто зимы никогда не было и не будет.

Будет зима, будет. И подусталые бабы будут, и бары будут, и кедам моим исполнится в этом году семь лет.

— **Я придумал.** Может, назовём T-Shirt Cafe?

— Не знаю. Хард Рок Кафе напоминает.

— Тогда T-Shirt Lab. Ну как мини-фотолаб типа.

— А может T-Shirt Раб?

— Почему раб?

— Ну раб это как типа бар, только раб.

— Иди в жопу.

Я настоял на названии «T-Shirtология».

— Очень длинное, — сказал Юра В., когда мы с ним вешали вывеску. — Пока клиент дочитает название, у него мороженое в руке растает.

— Пусть тает. На дверях не будет наклейки «сюда с мороженым запрещено».

— Да, у нас будет наклейка «weed friendly area».

— Конечно. А давай вообще назовём магазин «Бульбулятор». Народ повалит, как муравьи на чупа-чупс.

— Смейся, смейся. А почему именно T-Shirtология?

— Потому что T-Shirtология — это наука о том, как писать и читать футболки. Это я в журнале Vogue прочитал.

— Ты читаешь Vogue?

— А что читать, журнал «Идеи бизнеса»?

Бухал с Марселем. Дал ему пиво. Дал ему спички. Дал ему ручку. Дал ему бумажку. Дал ему позвонить. Затушил его бычок.

И всего этого он даже не заметил.

Хорошо быть Марселем.

А через неделю я бухал уже не с ним, а с Яном. Забыв о зиме, мирно пили вкусное белое сухое на набережной. Смеркалось.

И тут позвонил Марсель. Мол, приходите к Паше в мастерскую, мы тут хорошо, камерно так со свечами сидим, потому что свет вырубили за неуплату.

Взяли ещё вина, зашли ко мне, хлопнули по стакану и захватили Panasonic на батарейках. Вошли в темноту мастерской буквально с танцами: Ian Dury, The Black Keys, Misfits и Desmond Dekker. И даже со старыми Iron Maiden и Ella Fitzgerald.

Все обрадовались, встали и опьянели прямо на глазах. И расстанцевались за пять минут.

А через шесть песен Марсель настойчиво стал просить у меня магнитофон. Который я, танцуя, держал на плече.

И я не дал. Пиво и спички — само собой. Ручка и бумажка — воще божественно. Но выпускать свою музыку из рук — тут я свою жадность побороть не смог.

Помыть машину, протереть лобовое стекло, вытрусить пепельницы, заправить бензином, включить AC&DC, а потом сесть на заднее сиденье и отдать руль другому — нет, это не про меня. Я жадный.

Даже если этот «другой» мой пьяный старый друг.

И всё-таки Марселем быть хорошо. Уж вы поверьте, я его знаю.

Люблю кататься на велосипеде. Это одно из лучших изобретений человечества. Выходит, продавцы велосипедов тоже одно из лучших изобретений.

Шапочно знакомый дядя Вова, у которого я купил свой велик, вообще-то не пьёт. Но ходит постоянно невесёлый. Высокий и невесёлый. Вижу его часто — он в соседнем доме живёт. И как-то, выбирая в его магазине новые тормоза, я полупошутил. У него там какая-то гайка никак не откручивалась и он распахивался.

— За что *мне* это всё?!

Видимо, он считал, что неудачи и трудности ему посылает судьба.

Ему — одному.

I'm a loser baby, so why don't you kill me. Я сказал:

— Так вы напейтесь уже как-то, что ли.

Оказалось, дядя Вова ждал этих слов. Он напился в тот же вечер.

Я ехал на своём Trek-е домой и дядя Вова остановил меня. Словил за руль и остановил:

— Вот посмотри — горный велосипед, да? Фирмовый. Ты купил и катаешься. А почему катаешься? Почему на горном? Потому что у друзей такие же. Или кто-то сказал, что супер. Или что я сказал. Что для наших дорог больше всего подходит. Ну, ок. Катаешься, значит, и заезжаешь в грязь, да? Представь, городское такое болотце. Три квадратных метра. И что? Крутишь педали и выкруливаешь. Думаешь — это ж, бля, горный велик, что он — не сможет с мелкой бездорожной проблемкой справиться? Выехал и поехал дальше, к следующему болотцу... А что произошло?

— Что? Не знаю, — сказал я. Дядя Вова поправил очки.

— Произошла практика веры. Таинство. Молитва. Превращение лужи в вино. Или болота в бисер. Брендочная, как сейчас говорят, молитва. Посмотри на велосипед. Его колёсам, звёздочкам и отражателям глубоко насрать, что их называли горным велосипедом. Им было бы насрать, даже если бы это называли... эээ... пудингом из алоэ. Это — железяка, она или справляется с задачей или нет. А вот человеку почему-то не насрать. Человек верит в названия. Он никогда не купил бы велосипед, названный... эээ... «Aloe Vera Bike». Вырулить из болота тебе помогла вера в наклейку. В логотип. В цену велосипеда, в конце концов.

Когда ты застрял, ты верил не в свои мускулы и опыт, нет. Ты верил в ярлык.

Никогда раньше дядя Вова не говорил так много слов за раз. Хороший я ему совет дал. Но он ещё не закончил.

— А если б ты попал в болото на детском велосипеде «Зайка»? Ты бы подумал «бля, на Зайке я тут не вырулю». И спрыгнул ногами в грязь. И запачкался. И стал бы «Зайку» толкать. Спасать «Зайчика» и себя. Эээ... как Мазай. В таких случаях помогает гипноз. Если б тебя, дорогой, загипнотизировали, что «Зайка» — это самый что ни на есть горный велик. Тогда бы ты вырулил. Потому что мы верим в сраные ярлыки. Мы поддаёмся их гипнозу. Каждый раз, попадая в болото, мы заглядываем ярлыкам глубоко в глаза. Надеемся на них. Ложимся под гипноз. Верим в плацебо.

Дядя Вова отпрыгнул. В трезвом виде он бы никогда этого себе не позволил. А сейчас даже не заметил.

— Вот посмотри, как мало «вешают» ярлыки программ на рабочем столе компьютера. Вот, скажем, фильм «Зайчик по кличке Пудинг» — большой, длинный, — а ярлык его весит полсопли. Видел этот фильм?

— Нет.

— Хаха. Шучу, нет такого фильма... Короче, на всё вешают ярлыки. Даже грабители — забегают в банк с пистолетами и кричат: это ограбление! Чтоб всем было понятно, что это не зайчики на маскараде. А то если грабители не скажут — могут неправильно понять. И может даже денег не дадут. И грабители погибнут. А с ярлыком всё ясно. Потому что даже пенсионеры видели фильмы про ограбления банков. И всем ясно, что делать. Гони бабло, бля!

И дядя Вова засмеялся. По лицу было видно, что «смеятельным» морщинам непривычен его смех — он ими нечасто пользовался.

Я был рад за него. И обязательно посоветую ему ещё чего-то интересного. Хороший же человек — пусть смеётся.

Платон, конечно, мой друг, а истина дороже и всё такое. Но подарки на дни рождения он всегда выбирал какие-то странные.

Помню, однажды он подарил мне такую вот футболку →

Так и было написано: не «немой», а «не мой», раздельно.

Я, естественно, сделал вид, что мне понравилось и всё такое. Но, скажу вам, дядя он был себе на уме.

Это ↑, чуть шо, была цитата из «Политики» Аристотеля, если кто не читал.

Как видите, с подарками на день рождения были проблемы ещё у древних греков.

Это история о том, как Марсель фотографии мне показывал.

Нет, не подумайте ничего плохого, нормальные фотографии — про Лондон. Но рассказывать тут лучше не с конца, а с начала.

Поехал Марсель в столицу Англии. Инглиш он знал хорошо, поселился со знакомыми эмигрантками и даже нашёл работу — барменом в древнем лондонском бридж-клубе. Кроме наливать и стаканы мыть, в обязанности Марселя входило следить за карточным обеспечением столов — тасовать и складывать карточные колоды, помогать если что и всё такое. Завсегдатаи там были старые, капризные и крепко пьющие — потому Марсель

уставал нешуточно. И после работы он по дороге домой выпивал бутылочку пива — каждый вечер.

Шёл он как-то с пивом в руке и пристал к нему негр. Очень большой и очень чёрный негр, которому позарез нужен был один фунт стерлинга. Нет, негр не угрожал и не грабил, просто очень просил. Да и Марсель не из трусливых, скорее из сочувствующих — и потому

фунт он негру дал. Чёрный человек очень обрадовался и, как неубитая лесная мышка из сказки, произнес:

— Ты со мной по-человечески обошёлся, и я хочу тебя отблагодарить. Давай, короче, курнём. У меня есть классная трава.

В общем, они курнули по две тяги прямо на улице, пожали друг другу руки и разошлись. Пришёл Марс домой, заглянул в пустой холодильник и уселся телевизор смотреть, один — roommates отсутствовали.

Стал Марсель клацать дистанционкой и, в отличие от других вечеров, на всех каналах тогда шли очень интересные передачи. Ну просто не оторваться. Но переключать-то всё равно хочется — а на другом канале, оказывается, тоже показывали что-то зверски интересное. И на третьем интересное, и на четвёртом. А на пятом Марсель понял, что забыл, о чём таком

увлекательном шла речь на первом канале. Вернулся обратно — а там даже ещё интереснее, чем пять минут назад. Или десять? Марс понял, что начинает запутываться. И что, скорее всего, завтра совсем забудет, что было такого интересного на всех этих каналах. И пришла ему идея. Он приготовил фотоаппарат — обычную такую плёночную мыльницу — и стал снимать. Систематически фотографировал все передачи: один канал — щёлк, второй канал — щёлк, третий. Каналов на том телеке, слава богу, было всего девять, так что плёнки хватило.

Вернулся Марсель из Лондона. Года и трёх месяцев хватило, чтоб понять — дома если и не лучше, то, во всяком случае, и не хуже. И как-то говорю я Марселю — покажи фотки. Мне тогда казалось, если человек прожил в Англии более года, у него должны быть фотографии.

Да, но не в случае Марселя. Он протянул мне стопку из десяти фотографий. Первая — джунгли на экране телевизора. На второй — война по телевизору. На третьей — диктор говорит что-то очень интересное. На четвёртой — большая сцена с малюсенькими музыкантами, даже не узнать, кто это. И лишь на десятой был сам Марсель. На лондонской улице с пакетом в руке.

— Это мне Крис подарил, финн, классный чувак. Он меня сфоткал возле книжного магазина, где я после бридж-клуба работал.

А фотку про джунгли я себе выпросил. На память. Марсель не жадный и фотку подарил. Когда гости видят её у меня, всегда спра-

шивают: а что это? Ну и я рассказываю им про один фунт, негра и телепередачи.

Хорошо, что у Марса не было под рукой видеорекордера. Бумажные фотографии намного интереснее.

Лучше уж ни с кем не дружить.

Собаки полезнее — они хоть и туповато-умные, но добрые. Они не понижают твоего IQ и помогают бороться с гиподинамией.

Одиночество, конечно же, не фунт травы и не коробок витаминов. Но дружба с дураками научит лишь одному — ничему не научит. Даже если они тешат твоё самолюбие звонками по три раза в день.

А время? Усратья странная это штука — время. Иногда за месяц случается столько всего, что за год не расскажешь. А бывает и за двадцать лет ничего не происходит.

Я посвятил дурням года два.

Ну не совсем аж посвятил, как медбратом в школе для дебилов отработал, но всё же. Да и, может, не совсем они дураки были — просто застряли в своём sweet sixteen. Я с ними водку пил и кассеты записывал. Поддавался влиянию их системы ценностей и отставал с развитием своей. Среда — штука серьёзная. Не менее серьёзная, чем вторник.

Прожив лет десять без дураков, я понял, что развивался тогда медленнее, чем мог. Частично из-за них. Они не были плохими или корыстными, всего лишь без запросов. Музон, пиво, тёлки, деньги, хаха — прыщавое узколобие чистой воды.

Видел на чужих примерах — те, кто попал в разностороннее и головой хоть немного выше среднего окружение — развивались быстрее, чем я.

Усратья странно вспоминать времена, когда я был Другом Дураков.

Не делай, чего не хочешь. Занимайся тем, что любишь. Изучай то, что интересно. Спи с теми, кто нравится.

Это любой родитель своему дитю скажет. А дитё кивнёт — мол, да, понимаю.

— Хорошо, папа, я всегда буду носить с собой презервативы.

Но это не так легко, как кажется — носить презервативы. Желательно ещё не дать им потрескаться от старости.

— Вот посмотри, сынок. Ты какую музыку слушаешь? Ту, которую любишь, правда? Слушать то, от чего тошнит — это ж самая дебильная подача на свете. Такого даже Jesus Christ не делал.

Представь, что ты работаешь в офисе, где всегда звучит только любимая музыка шефа. Народная музыка эквадорских индейцев, допустим. Другая типа не поощряется. Сколько ты там выдержишь? Уж точно не больше, чем Вождь в гнезде кукушки.

Короче, рисуй на двери шефа большой твёрдый эквадорский банан и вали оттуда. Страдать даже за деньги не стоит. Это никому не нужно. Кроме шефа.

А с говном всё элементарно — просто не ешь говно и всё. Не надо его есть.

Вы тоже их видели?

Да, я понимаю, футболка — она как бумага, она всё стерпит. Но вы понимаете, почему девчонка, не взрослая ещё, но уже с сиськами, живущая в панельном доме или хрущёвке, носит майку

«London»?

Или почему полупрыщавый чувак, явно не равнодушный к своей внешности, носит майку «New York»?

Что они бя хотят этим сказать? Они что, рекламируют мегаполисы? Или наивно врут, что побывали там? Или им тупо нравится, как звучат

легендарные слова? Или они мечтают пополнить ряды эмигрантов?

Тогда почему бы им не заявить и об остальных своих мечтах? Хочу миллион бабла.

Мечтаю о любви с Дашей со второго курса. Тысяча и один joint.

Шкаф-купе, забитый платьями от Fashion amp;Week. Красный порше, фаршированный тёлками.

Цистерна немецкого пива каждую пятницу. Тысяча блоков безвредного мальборо.

Волшебная палочка со встроенным айфоном.

Тазик бесхолестериновых пельменей каждый вечер.

Семнадцатикомнатная квартира с бассейном ослиного молока в центре города. Плюс две кофеварки Krups с автоматической декальцинацией.

Или не знаю, о чём там ещё мечтают молодые люди.

«London» и «New York», написанные на груди человека — хочет он того или нет, — сообщают о нём кое-какую инфу. Даже если человек об этом и не догадывается.

Помню, лет в 13–14, перед сном, я мечтал, чтоб все-все мои друзья жили в одном доме. И чтоб все девушки, которые мне нравятся, тоже там жили. И чтоб все ходили друг к другу в гости и было

весело. Обычно во время перечисления тех, кто будет жить в этом прекрасном доме, я засыпал.

Утром, приходя в школу, я смотрел на одноклассниц — а надо сказать, красавиц у нас в классе хватало — и, если одна из них относилась ко мне не так хорошо, как хотелось, я еле сдерживался, чтоб не сказать:

— Я ж тебя, сука, в самом лучшем доме города поселил, вместе со всеми нами, а ты...

Он увидел на полке «Робинзона Крузо» и хотел взять. Но один мальчик опередил его и схватил первым. Подрались. Книга досталась Марселю.

Хорошо, что мы не подрались с ним из-за магнитофона. Несомненно — Panasonic достался бы ему. Он ведь на дзюдо ходил. На дзюдо, на лыжи, на фортепиано, в библиотеку и на авиамodelный

кружок. Разносторонний, сука. И с дураками Марсель тоже не дружил. Баловень судьбы, короче.

У вас случается немотивированный рвотный рефлекс?

Ни с того, ни с сего, обычнейшим утром. Ещё неактивированным мозгом вдруг вспоминаешь, что рвотный рефлекс *существует*. Что хватает одного лишь приближения щётки к зубам мудрости. И можешь хоть сто раз внушать себе, что зубная щётка — это не два пальца, рефлексу плевать.

До собственно рвоты не доходит, но зубы остаются нечищеными. На следующее утро зеркало в ванной напоминает о вчерашнем рефлексе и всё повторяется. И так неделями. Хотя если чудом удаётся подумать о хрустальных бокалах, рефлекс отступает.

Любовный треугольник мысль-щётка-рефлекс был моим первым личным опытом, научно доказывающим, что всё находится в голове. Как и цепочка слабых звеньев, ведущая от «иностранки» до красивых ног двоюродной сестры.

Вторым научным доказательством стал кухонный кран. Раньше он стоял нормально: красный вентиль — горячая вода, синий — холодная. При переселении на другую квартиру его установили наобо-

рот. Горячая вода посинела, холодная покраснела. Мини-переворот сознания.

Я думал, запомню и привыкну.

Но случилось не совсем так. Мозг не хотел зубрить новое правило:

«то, что раньше было горячим, сейчас холодное».

Он, без моего разрешения, самостоятельно подогнал цветные ярлыки под температуру воды. И выстроил этому типа логичное объяснение. Моим кухонным рефлексам извращённая цветовая раскладка вскоре показалось абсолютно естественной. Я перестал ошибаться.

Сейчас, обезвреживая бомбу, я уже точно не перепутаю синий проводок с красным.

Зубная щётка, рефлекс, кран, вода и цветные пимпочки на вентилях. Далеко не полный, даже

фантастически скромный перечень того, что вмещается в простой человеческой голове.

А ноги сестры помнятся уже смутно. Слишком давно я их не видел. Даже не вспомню, которая из них нравилась больше. Женские ноги, левая и правая, далеко не одинаковые по красоте, точно знаю. Хотя этому нет научных доказательств.

Кажется, в ночном клубе «Извилина» опять тусня. Надеюсь, родственников там сегодня будет не слишком много.

Интересно, каково это — шататься пьяным в спортивном костюме? Не шляться-тусоваться, а именно шататься — когда вестибулярка барахлит. Никогда не пил в спортивном костюме. Голым, в пальто, в плавках, в школьной форме, в платье, в парике, в маске пьяным был, а в спортивном

костюме не довелось. Хочется верить, во всяком случае.

А ведь, наверное, удобно. Чувствуешь себя полубогом — движения полны свободы, силы и куража. И танцевать с мафоном на плече удобно.

Так что не совсем понятно: почему это спортивный костюм есть, а пьяного костюма нет? Почему это для спорта придумали миллионы удобных прибабасов, а для пьянства — нет?

Да и какие там у пьянства прибабасы — стаканы, бутылки, штопоры, дозаторы, бармены, огурцы. Раз-два и обчёлся. Нечестно. Дискриминация по признаку здоровья. Пьяных людей же намного намного намного намного больше, чем спортсменов. Чем молодых спортсменов, старых спортсменов, усталых спортсменов, бывших спортсменов и даже укуренных спортсменов. Если честно математически подсчитать — то в любой момент времени суток на планете живых нетрезвых людей значительно больше, чем живых и даже мёртвых спортсменов. Не учитывая, занимаются ли они в этот самый момент спортом и мучает ли их крепатура. А если уж совсем точно — каждую минуту 0,7 процентов населения планеты пьяны, Google подсказал. Это, на секундочку, сорок девять миллионов человек.